

Д. А. ШТЕЛИНГ

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧИ И КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Положение о том, что к лингвистическому анализу следует подходить с функциональной точки зрения и что язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели, всегда было одним из важнейших принципов русского языкознания. «Мы говорим всегда зачем-нибудь, с какой-то целью» [1, стр. 392]. Как известно, позже этот тезис явился также основным тезисом Пражского лингвистического кружка (1929) [2, стр. 123]; тогда же была поставлена задача

создать целевую модель языка (means-ends model), буквально модель «средства-цель», т. е. требование анализировать все свойства языка под углом зрения задач, для выполнения которых эти свойства предназначены [3, стр. 374]. Все эти положения представляются бесспорными. Равным образом бесспорно и положение о том, что никакая модель языка не может быть адекватной, если она строится безотносительно к говорящему и слушающему. Таким образом, идея целенаправленности речевого акта непосредственно связывается с тем аспектом изучения языка, который в семиотике принято называть прагматическим, т. е. с исследованием языка в аспекте производителей языковых знаков [4, стр. 120]. Прагматика изучает отношения между знаками языка и людьми, которые производят, передают и принимают языковые знаки [5, стр. 21]. В зависимости от целей, для которых языковые знаки используются людьми, они выполняют различные функции. Как известно, еще К. Бюлер выделял три основные функции языка: экспрессию, т. е. выражение чувств и эмоций самим говорящим, обращение или апелляцию к слушателю и сообщение о предмете речи [6, стр. 27]; Н. С. Трубецкой полагал, что эта схема сохраняет свое значение и для звуковой стороны языка [7, стр. 22].

Язык возникает из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Говорящий, слушающий и предмет, о котором говорят, — это три основных фактора нормальной речи [8, стр. 28]: обычно я для тебя сообщаю что-то. Этому соответствует оппозиция в системе так называемых личных местоимений: в огромном большинстве языков местоимения 1-го и 2-го лица, являющиеся подлинно личными, противопоставлены предметно-личным местоимениям 3-го лица; последние указывают не только на лиц, но и на предметы, и генетически восходят, как правило,

к указательным местоимениям, различаются по родам, а также являются специфичными и в функциональном отношении, поскольку в речи они соотносимы с именами существительными при замещении их в предложении, при использовании в целях персонификации и т. п. [9].

У 1-го и 2-го лица много общего. Ведь это — сами партнеры по речевой деятельности, а в диалоге каждый из партнеров становится то говорящим, то слушающим. Слушающий является как бы соавтором говорящего. В общении между людьми, как и в сообщении о чем-то, речевой акт двусторонен. В то же время в лингвистической литературе неоднократно отмечалось и значительное принципиальное различие между 1-м и 2-м лицом, что находит отражение и в грамматической категории лица: местоимения 1-го и 2-го лица, имея много общих, совпадающих структурно-грамматических черт, также контрастируют между собой по своей лексико-семантической природе, причем противопоставленность 1-го лица 2-му, с одной стороны, и 1-го (или 2-го лица) 3-му различна [10, стр. 12]. Таким образом, в системе личных местоимений мы имеем две основные оппозиции. С одной стороны, 1-е и 2-е лицо противопоставлены 3-му; с другой — 1-е лицо противопоставлено 2-му. Эта последняя оппозиция четко выявляется, например, в системе глагола английского языка. В прошедшем времени различий между 1-м и 2-м лицом нет вообще, но в настоящем времени форма 1-го лица ед. ч. отчетливо противопоставлена форме 3-го лица: I work — he works. Это различие по линии категории лица является единственным и поэтому очень ясно выявляет оппозицию я — он, она, оно. Аналогичное соотношение форм лица прослеживается и в системе глагола быть (to be), но здесь форма 1-го лица противопоставлена также форме 2-го лица I am — you are. Однако эта оппозиция не

ЛИНГВИСТИКА

является столь же отчетливой, как первая, и в какой-то мере нейтрализуется, во-первых, тем, что выявляется только в системе глагола to be, во-вторых, тем, что формы мн. ч. 1-го и 2-го лица совпадают с формой 3-го лица мн. ч. всех лиц: we/you are — they are.

Хотя речевая деятельность и является совместной деятельностью говорящего и слушающего и определить функцию языковой формы, не учитывая при этом как говорящего, так и слушающего, как правило, совершенно невозможно, все же естественным центром речевой ситуации является говорящий: как со звуковой, так и с содержательной стороны речевой акт есть всегда акт говорящего. Независимо от цели высказывания и видов речевой деятельности слушающий всегда безмолвствует. Активным творцом речи является я и только я: это я выражаю свои эмоции, я побуждаю своего адресата к каким-либо действиям, я задаю вопрос или отвечаю, я повествую о чем-то. В лингвистике уже давно замечено, что отношение говорящего к самому себе незримо присутствует во всех указательных словах. Что такое ты? — лицо, к которому я непосредственно обращаюсь. Что такое здесь? — место подле меня. Что такое теперь? — время, когда я говорю. Что такое сюда? — в направлении ко мне. Говорящее лицо в таких словах выражено имплицитно, но оно присутствует, становясь той естественной точкой, отправляясь от которой, мы уточняем их содержание. Эти особенности таких слов дают некоторым лингвистам основание называть дейктические слова эгоцентрическими [11, стр. 146]. На особую, совершенно исключительную роль 1-го лица обращается внимание и в некоторых философских работах [12, 13, стр. 186].

Еще на IX конгрессе лингвистов (Кембридж, США, 1962) в ряде докладов указывалось на то, что особое внимание должно уделяться «периферийным» зонам языка — эффективным и экспрессивным словам, междометиям и другим «творческим» аспектам языка, особенностям их структуры. Это неслучайно: в языках действительно существуют высказывания, которые являются выражением только «внутреннего я» говорящего, т. е. высказывания, не ориентированные на слушателя. Это обстоятельство дает, как нам кажется, основание для определенных выводов и наблюдений: то, что является специфическим только для «чистого я» высказывания и что отличает его от обычных высказываний, ориентированных на слушателя, по-видимому, и должно раскрыть те средства, которые специфичны только для последних. Иначе говоря, следует попытаться сделать вывод из того факта, что говорить не всегда означает обязательно «сообщать» и даже не обязательно «общаться с кем-либо». Правда, такие «чистые эговывсказывания» встречаются не часто, но они существуют, и забывать об этом ни в коем случае не следует. В самом деле, разве предполагают какого-либо адресата такие выражения эмоций, функционирующие в относительно независимой позиции, как: Ах! Эге-ге! Эхма! Ой! Увы! Вот так так! Вот оно что! Ну и ну! Вот это да! и т. п.

Оставляя в стороне вопрос о неоднородности междометий в плане выражения или невыражения ими понятий [14, стр. 9], отметим лишь, что все связанное с выражением чувств, эмоций и воли находит свое выражение в системе языка, а не просто в звуках; все освоенные языком лексические единицы, все виды слов в плане выражения эмоций выступают как осознанные элементы языка, что и делает возможным их однозначное понимание. Эмоциональное как непрменный спут-

ник мышления вместе с ним объективируется в речи.

Каковы же основные грамматические характеристики тех средств, которыми выражается экспрессия? Они относятся к личным, субъективным высказываниям, к прямой речи и произносятся с восклицательной интонацией. Все, что относится к выражению чистого я, всегда максимально неграмматично. Не случайно большинство лингвистов всегда отказывались причислить междометия к частям речи. Так, Ж. Вандриес считал, что «прежде всего из частей речи следует исключить междометия» [15, стр. 135]; В. В. Виноградов также полагал (и мы полностью разделяем его мнение), что ни междометия, ни модальные слова не принадлежат к частям речи [16, стр. 41, 44, 725]. Междометия и междометные восклицания не могут быть отнесены к частям речи ни по одному из тех признаков, по которым части речи обычно выделяются: они лишены номинации и общего категориального значения (такого, как предметность, процессуальность и т. д.), не имеют форм словоизменения и, следовательно, лишены грамматических категорий, к ним неприменимо понятие членов предложения и они не сочетаются с другими словами в предложении в порядке согласования, управления или примыкания. Состав и структура их крайне разнообразны, как разнообразны и выражаемые ими чувства и эмоции¹. «Эмотивные высказывания» могут быть по структуре одноядерными или двуядерными, иногда в них возможна замена одного из компонентов другим, перестановка ком-

¹ Интересно отметить, что из более чем 300 междометий, являвшихся предметом исследования на материале английского языка, 26% образовались из отдельных слов или форм слова, 56% — из различных словосочетаний и предложений и только 18% (!) составляют первичные (непроизводные) междометия [17, стр. 64].

понентов, но во всех случаях для них характерна фразеологичность; монолитность довлеет в них над структурной раздельностью составляющих их элементов, вследствие чего и классификация их, как нам представляется, должна быть прежде всего (но не исключительно) семантической. Преобладание семантики над структурой вообще характерно для единиц в разговорной речи [18, стр. 39]. Для нас же сейчас важно подчеркнуть, что все, относящееся к «самовыражению» говорящего, не имеет отношения к категории наклонения. Но, как правило, речь естественно ориентирована на читателя или слушающего — при помощи языка люди общаются друг с другом либо сообщают что-то кому-то. Это тривиальная истина, но до недавнего времени в лингвистике не обращалось должного внимания на глубокое, принципиальное различие между высказываниями, содержащими какую-то информацию о действительности для кого-то (или испрашивающими информацию у кого-то) и высказываниями неинформативными, в которых говорящий проявляет свою волю, лишь апеллирует к кому-то, причем обратная речевая реакция адресата возможна, но она не предполагается, не обязательна. Не случайно эту функцию иногда называют «сигнальной». Апеллятивные средства языка — это воздействующие средства, они имеют целью лишь побудить слушателя к действию или возбудить его внимание, установить с ним контакт. Поскольку эта функция языка связана прежде всего со стремлением, волей, инициативой самого говорящего и поскольку обратная речевая реакция слушателя не обязательна, апеллятивная функция в этом плане близка к экспрессивной; в то же время речь здесь имеет направленность на адресат и в этом плане содержит общее с обычным сообщением. Но можно ли проанализировать в терминах тради-

ционных членов предложения и частей речи такое высказывание, как: Эй, ребята, помогите, пожалуйста! По-видимому, нет: оно не поддается членению по главным и второстепенным членам предложения, и мы не находим в нем лексических единиц, которые можно было бы отнести к тем или иным классам слов (частям речи) без каких-либо оговорок.

О невозможности отнесения междометий к частям речи уже говорилось выше. Что касается обращения «ребята», то простая интуиция подсказывает нам, что это не просто существительное, так как интонационная оформленность и независимая позиция свидетельствуют о коренном преобразовании номинативной природы этого слова как части речи и об утрате им конкретно-предметного значения. В традиции русского языкознания еще со времен Ф. И. Буслаева и К. С. Аксакова эта форма, некогда рассматривавшаяся как форма звательного падежа существительного, т. е. как форма части речи, анализируется как обращение.

В плане содержания — это зов, призыв, сигнал говорящего, его намерение, называя адресат, привлечь к себе его внимание, установить с ним контакт для последующего сообщения или побуждения к действию. Заметим также, что сам термин «обращение» означает прежде всего акт говорящего, его призыв (к кому-то), сравните: «Обращение Комитета мира к...».

В плане выражения обращение, как известно, может быть представлено не только формой существительного, но и субстантивированным прилагательным или эквивалентными им словосочетаниями; существенно лишь, что обращение всегда оформлено интонационно (звательная интонация); это особенно характерно для апеллятивных высказываний. Обращение не может замещаться в предложении словами-заместите-

лями, в отличие от существительных, оно не может замещаться местоимениями 3-го лица («вместо имени») и т. д. Все это свидетельствует о том, что апеллятивы относятся к иному уровню грамматической системы — к сфере личных, субъективных высказываний, у которых есть свои (до настоящего времени должным образом не описанные) закономерности и особенности, не позволяющие описать их в традиционных терминах частей речи и членов предложения.

Имеются экспериментальные исследования, подтверждающие, с одной стороны, специфичность, а с другой — неоднородность обращений [19, стр. 195; 20, стр. 254]. Разграничение экспрессивных и апеллятивных функций связано с большими трудностями, здесь многое зависит от ситуации, в которой развертывается речь. В обращениях прослеживается целая шкала значений от чистого «я-высказывания» до обращений-вокативов, не связанных с выражением каких-либо модальных значений, т. е. не выражающих эмоций говорящего. Примером чистых эмотивов являются такие эмоционально-насыщенные вокативные междометия, как: Боже! Боже мой!, Господи!, Батюшки! и т. п., которые в современном языке, выражая различные эмоции, уже не ассоциируются с вокативной функцией, хотя когда-то и связывались с обращением к богу, небу, потусторонним мистическим силам. Однако в диалогической речи возможны восклицания-обращения, также выражающие эмоции говорящего, но уже одновременно с обращением ко 2-му лицу, т. е. как реакция говорящего («моя реакция») на слова собеседника. Например, в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» Соня в ответ на слова Войничко, резко осуждающего Серебрякова,

ЛИНГВИСТИКА

воскликает тоном упрека: «Дядя!». Хотя здесь и называется лицо, к которому обращена речь, по существу подлинным смыслом этого восклицания является упрек, мольба, просьба не говорить резко («дядя, я умоляю тебя» или «остановись, не говори так!»). Такие обращения не могут характеризоваться звательной интонацией, поскольку вокативная функция здесь максимально ослаблена, но в то же время именно интонация и передает в данном случае главное — эмоцию самого говорящего лица.

Значительно менее эмоциональным, но все же выражением отношения говорящего к собеседнику является употребление обращений в составе высказываний, где обращение завершает предложение, продолжая его мелодический рисунок: «Но искусство — это прежде всего труд, Маша» (Афиногенов); нередко модальность в таких случаях завязит от оценочного значения самого слова-обращения: «Садитесь, орлы! — сказал наконец он, давая этим понять, что официальный разговор окончен и теперь разрешается держать себя по-семейному» (Катаев).

Подлинными вокативами, таким образом, оказываются, как правило, только обращения, начинающие высказывания и имеющие целью привлечь внимание адресата. Обращения-вокативы характеризуются особой, отчетливо выраженной звательной интонацией и всегда отделяются от последующего высказывания паузой; они могут вычлениваться и в отдельное предложение [20, стр. 261]. Сравните начало «Тома Сойера» М. Твена: «Том!» Как известно, призыв тетушки оказался тщетным — ответа вообще не последовало. Тем не менее это характерный случай употребления обращения-вокатива, еще раз подтверждающий, что главное в

вокативе — зов самого говорящего.

Все сказанное выше позволяет, как нам кажется, по-новому подойти к толкованию категории наклонения и выявить особую функцию императива. Форма так называемого повелительного наклонения, так же как и вокатива Эй, ребята! выражает волю, желание говорящего. Хотя императив и является глагольной формой, он выражает не процесс, не действие как таковое, а волю говорящего, его приказ или просьбу о том, чтобы было совершено действие, а это не то же, что действие. Функционально императив оказывается в одном ряду с вокативным междометием и с обращением-вокативом, а также с проявлением вежливости говорящим (пожалуйста)², которые, как и императив, немислимы вне соответствующей, присущей каждому из них интонации. Дело не только в том, что это — прямая речь, а в том, что все они — «речевые единицы», как бы готовые для вхождения в речь и для выражения прямой, непосредственной направленности на адресат.

В сфере аппеллятивной речи нет обобщений, нет сообщения для кого-то о каком-то факте объективной действительности, а есть лишь спонтанное обращение или побуждение адресата к действию. Если вопрос предполагает ответ, т. е. речевую мыслительную деятельность слушателя, то побуждение или вокативное обращение предполагают действия, т. е. его неязыковую реакцию. Обращение и императив часто адресованы не к человеку, а животному: Полкан, сидеть!

² А. А. Потехина обращал внимание на то, что «пожалуйста» (Пожалуйста, не забудьте), в современном языке содержащее лишь модальность, еще недавно было вполне равносильным с другими (повелительное: пожалуй, постарайся!, пожалуйста кушать!) [21, стр. 198].

Грамматическая структура побудительных предложений специфична. В них нет обычного двусоставного предложения, форма императива неизменяема и, следовательно, лишена характерных для сказуемого категорий и, прежде всего, форм категории времени и наклонения (в императиве нет оппозиции «изъявительное — сослагательное наклонение»; он не сочетается с модальными глаголами, т. е. это и не модальное сказуемое). Императив функционирует не как категория глагола-сказуемого.

Интонационная оформленность императива всегда функциональна, и в речи он выражает коммуникативную направленность высказывания со значением побуждения — воли говорящего — отсюда невозможность употребления побудительных предложений в вопросительной форме. Императив относится к уровню высказываний со значением побуждения, а следовательно, выражает модальность таких высказываний, в то время как формы изъявительного и сослагательного наклонений, являющиеся формами глагола-сказуемого, относятся сами по себе к уровню членов предложения.

Эмотивы, вокативы, а также социативы и т. д. существуют как определенные разряды, но не являются словесными категориями — частями речи, — и классификация их должна быть прежде всего не формальной, а семантической. Так, побуждение, как известно, может выражаться не только формой императива, но и особыми словами с повелительно-восклицательным значением, сравните: вон!, прочь!, долой!; побуждение или запрещение могут быть выражены простым возгласом (тс!), императивной формой существительного (молчание!), формой инфинитива (молчать!) и т. д. Наконец, к системе тех же средств выражения побуждения относятся и особые двучленные и трехчленные формулы побуждения

(«пусть+инфинитив», «давайте+инфинитив»), в которых предполагаемым субъектом действия является уже не 2-е лицо.

Именно в противопоставлении этим формулам и раскрывается подлинное значение форм императива. Адекватный анализ этой оппозиции возможен только на основе четкого разграничения двух понятий, с одной стороны — коммуникации со значением побуждения и ее адресата, а с другой — побуждаемого действия (или состояния и его субъекта). Речевой акт со значением побуждения всегда предполагает ориентированность на адресат. Но побуждение может быть двояким: 1) адресат коммуникации может совпадать с субъектом побуждаемого действия, т. е. как адресат, так и субъект — 2-е лицо (читай!); 2) адресат коммуникации не является субъектом побуждаемого действия (т. е. это — не 2-е лицо) — он лишь посредник между говорящим и предполагаемым носителем действия, субъектом является 3-е лицо (Пусть он читает! Пусть они читают!); либо это побуждение адресата к совместному действию (Давайте читать!).

В некоторых языках, например в английском, в такого рода формулах побуждения в качестве первого компонента употребляются не два слова («пусть» и «давайте»), а только одно — let, причем формулы эти в английском языке всегда трехчленны: let him read; let us read и т. д.

Таким образом, общим, тождественным значением, объединяющим коммуникации как с непосредственным, так и с опосредованным побуждением, является проявление воли самого говорящего лица, это — волевой акт говорящего, направленный на адресат. Но грамматическая категория есть диалектическое единство, тождество взаимоисключающих друг друга противоположностей [22, стр. 56], единство устойчивого (неизменяемого) и изменчивого (вариантного). Представим это в виде таблицы.

Значение побуждения к действию и отношение «говорящий — адресат», т. е. уровень представления, по отношению к уровню наблюдения является неизменным, устойчивым. Но уровень наблюдения, в свою очередь, есть единство неизменяемого (прямое побуждение — совпадение адресата коммуникации и субъекта действия) и изменчивого, поскольку при опосредованном побуждении в качестве субъекта действия может выступать не только 3-е лицо. Неоднородны и значения, выражаемые этими формулами опосредованного побуждения: это может быть приглашение к совместному действию (давайте работать!), но может быть и требование, чтобы адресат разрешил или заставил действовать какое-то третье лицо (пусть он работает!).

Функциональная однородность «повелительного наклонения» с другими средствами выражения эмоционально-волевой сферы отмечалась в лингвистической литературе. Об этом, в частности, писал с большой степенью категоричности акад. В. В. Виноградов: «...вне интонации повелительное наклонение не существует. Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы и стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия. Не только синтаксическое значение и морфологическое строение решительно выделяют (разрядка моя. — Д. Ш.) повелительное наклонение из об-

ЛИНГВИСТИКА

шей системы глагола...» [16, стр. 590].

Совершенно очевидно, что традиционная схема трех наклонений, полностью игнорирующая назначение и семантику этих форм, лишь затемняет их сущность, так как при этом ставятся в один ряд качественно различные формы, входящие в различные и даже взаимоисключающие друг друга сферы языковой системы.

Грамматическая категория наклонения как грамматическая оппозиция двух глагольных форм — действительного и сослагательного наклонений — функционирует там, где имеет место сообщение для кого-то или вопрос кому-то (о чем-то), т. е. там, где действительно имеет место двусторонний речевой акт и взаимное речевое общение, где налицо двустороннее предложение, а следовательно, и глагол-сказуемое. Ведь потому оно и «сказуемое», что оно что-то «сказывает» слушателю или читателю о предмете мысли, выраженном подлежащим.

Если в эмоционально-волевой речи на первый план выдвигался говорящий, а обращение и императив прежде всего выражали волевой акт и намерение говорящего, то сообщение, наоборот, «я для тебя»-высказывание. Именно это, несомненно, имеют в виду,

Категория побуждения		
Уровень представления	Предложение-коммуникация со значением побуждения: говорящий → адресат	
Уровень наблюдения	Прямое побуждение	Опосредованное побуждение
	Субъект действия — 2-е л. (читайте!)	Субъект действия — 3-е л. (пусть он читает!) или 1-е л. (давайте читать)

ЛИНГВИСТИКА

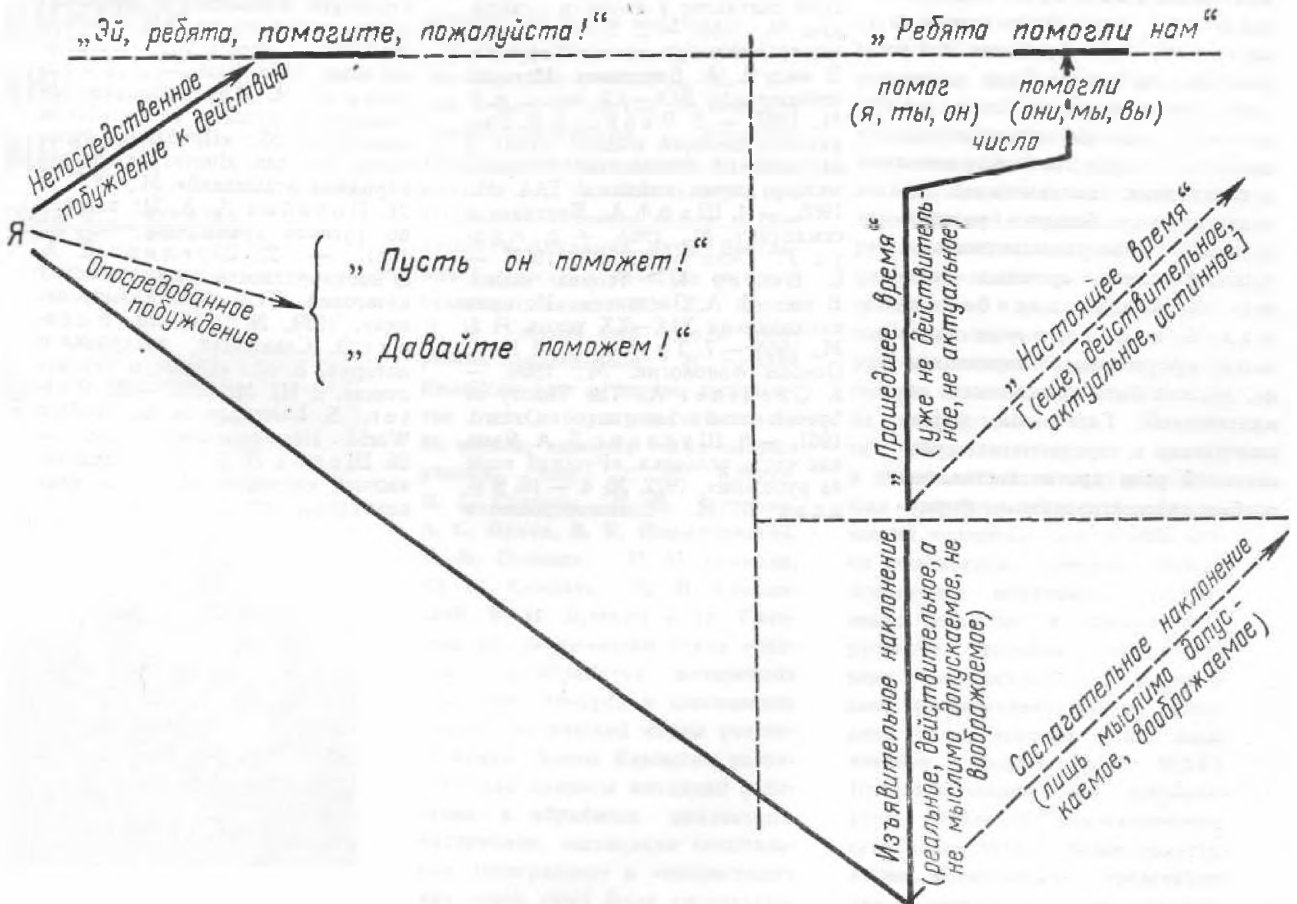
когда говорят, что дуэт «говорящий — слушающий» напоминает танго, что это совместная деятельность и что в этом дуэте главная роль принадлежит не говорящему, а слушающему (хотя он и безмолвствует). «Одно из обстоятельств говорения — и самое важное — это, конечно, наличие слушающего» [23, стр. 190]. Роль слушающего, конечно, менее активна, но утверждение, что он совершенно пассивен и что вся тяжесть коммуникации лежит исключительно на говорящем, не соответствует сущности речевого процесса.

Слушание есть обратная сторона говорения. Хорошо слушать —

не менее трудно, чем хорошо говорить, а может быть, даже и труднее. Например, омонимия существует только для слушающего, а не для говорящего — ведь я, говорящий, всегда знаю, что я имею в виду. Говорящий рассчитывает на то, что его слушатель (или читатель) домыслит услышанное (или прочитанное), причем обычно эта экстраполяция и делает высказывание осмысленным [24, стр. 177].

В речи мы оформляем себя с точки зрения другого, ибо мы сами заинтересованы в том, чтобы быть правильно понятыми. Не говорящему, а слушателю важно знать, идет ли речь о фактах действительных (изъявительное наклонение) или лишь о мыслимо допускаемых (наклонение сослагательное), является ли сообщаемое еще актуальным (презент) или

уже неактуальным (претерит), говорится ли о действии уже завершеном или незавершеном и т. д. Словоформы «помогли», «помогли бы», хотя и являются формами наклонений, сами по себе лишены интонации, статичны: это лишь строительный материал для синтаксической структуры предложения, вернее — для одного из его главных членов — сказуемого; они «оживают» и становятся выразителями предикативности предложения только в речи, когда в момент речевого акта устанавливается отношение между подлежащим и сказуемым, а вместе с этим устанавливается и соотношение высказывания с действительностью. Речевой акт прежде всего динамичен. Динамичность — первейшая и самая существенная черта речи [25, стр. 100], причем динамичность

высказывания, как и его структура, непосредственно связаны с целенаправленностью.

Однако соотношенность с действительностью — лишь средство достижения основной цели — правильно ориентировать слушателя, помочь ему осознать услышанное, установить взаимосвязь между языком и ситуацией его проявления, т. е. с конкретной речевой ситуацией. Таким образом, если формы категории императива, о которых говорилось выше, будучи интонационно оформленными, динамичными, включаются в речь непосредственно, выражая коммуникативную направленность высказывания говорящего, то формы глагола-сказуемого включаются в речь опосредованно, через стадию актуализации структуры предложения.

Итак, там, где говорящий выражает лишь себя, свои эмоции — наклонения нет. В апелляции к слушателю, в побуждении его к действию на первый план выдвигается воля, намерение говорящего, а роль слушателя ступенчатая; средства выражения апеллятивных высказываний характеризуются большим разнообразием, «неграмматичностью». Классификация «речевых единиц», таких, как спасибо, пожалуй, привет, в этом случае всегда оформленных интонационно, должна быть прежде всего семантической. Глагольные формы императива в парадigmatике субъективной речи противопоставлены особым грамматизованным форму-

лам побуждения, а не формам слова. Грамматическая оппозиция изъявительное — сослагательное наклонение функционирует в сообщении о чем-то кому-то — там, где речь максимально грамматична, где экспрессивные средства, характеризующие говорящего, отходят на задний план; назначение грамматических категорий в сфере сообщения («я для тебя»-высказывания) — сделать высказывание понятным и осмысленным для слушателя, прежде всего путем соотношения с действительностью (изъявительное — сослагательное наклонение).

Литература

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
2. Тезисы Пражского лингвистического кружка. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков. Ч. 2. М., 1965.
3. Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. Т. 4. М., 1965.
4. Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.
5. Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
6. Бюлер К. Теория языка. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков. Ч. 2. М., 1965.
7. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
8. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951.
9. Штелинг Д. А. Язык как часть человека. «Русский язык за рубежом», 1972, № 4.
10. Яцева В. Н. Взаимоотношение

грамматики и лексики в системе языка. В сб.: «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
12. Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого я. М., 1964.
13. Ryle J. The Concept of Mind. London, 1969.
14. Колшанский Г. В. О функциях языка. «Иностранные языки в высшей школе», 1963, в. 2.
15. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
16. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947.
17. Гутнер М. Д. Опыт классификации междометий современного английского языка. В сб.: «Вопросы языка и литературы». В. 3. М., 1962.
18. Скребнев Ю. М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. дисс. М., 1971.
19. Кузьмичева В. К. К вопросу об интонационной структуре обращения в современном русском языке. В сб.: «Дослідження з української і російської мов». Київ, 1964.
20. Карацева Л. М. Классификация обращений в русском и английском языках. В сб.: «Проблемы филологии. Уч. зап. Института международных отношений». М., 1967.
21. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. М.—Л., 1941.
22. Штелинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий. «Вопросы языкознания», 1959, № 1.
23. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. В сб.: «Новое в лингвистике». В. III. М., 1963.
24. Potter S. Language in the Modern World. Harmondsworth, 1968.
25. Щерба Л. В. Из лингвистического наследия. «Вопросы языкознания», 1962, № 2.